

Нури БУРНАШ

Известен срок. Портные-аммониты,
морского дна ощупав мягкий край,
украдкой, без лишней волокиты
отмерили бескрайний мезозой.

Со времени утраченного рая
храня один неписанный закон,
счастливые часов не наблюдают:
нельзя смотреть Персеям на Горгон.

Известен срок. Тогда с какой же стати
расписывать по плану график чувств?
Прожечь свой век, вертясь на циферблате
с будильником в душе? Нет, не хочу.

Мой бунт смешон. Но не идти ж с повинной.
Да и спасет рецепт такой едва ль:
прочесть «Вишневый сад» – в шесть с половиной
и заболеть ветрянкой – в тридцать два.

САМОУБИЙЦА

... со скучного концерта, не дождавшись
финальной скорби флейт хрустальных
был вечер свеж
и было жить легко
на древнем КПП дремали стражи
и видели во сне его
минующего тайно
никем не охраняемый рубеж

ПАРК ВОРОНЦОВСКОГО ДВОРЦА

Саре Нури

Расскажи мне. Дай памяти выход.
Здесь, где камни гудели на ветре,
расцвела воронцовская прихоть
под насупленной бровью Ай-Петри.

Расскажи, как все дальше и дальше
горы жирной, тяжелой земли
по Днепру раскаленные баржи
в этот край вереницей везли.

И ревело – колдуньей на дыбе –
море ночью, несчастья суля,
но в тени диабазовых глыбин
прижилась неродная земля.

В разнотравье и разнодеревье
растворяется контур аллея.
Расскажи мне, в Киммерии древней
парк найдешь ли капризней, странней?

Расскажи, не по этим ли склонам
до рассветной росы на траве
парень юный бродил беспокойно,
имя нежно шепча «Анифе»?

Легким воздухом, шепотом, светом,
право, я захлебнуться боюсь.
Наш с тобою заботливый предок
каждый шелест здесь знал наизусть.

Что в тот день он сказал на допросе
комиссарам? Как выжил без лжи?
Может, этого не было вовсе?
Расскажи! Расскажи! Расскажи!

... Ты все куришь? А я на два слова
к льву, сидящему грозно на страже
тайн былых да величья былого.
Только он ничего не расскажет.

А вот дорога – крива немного,
других не лучше,
ям разных куча – над нею туча,
под нею круча,
а по дороге легки, как боги,
идут, ликуя, два обалдуя,
шутя, рифмуя и в ус не дую.

Глянь, друг, налево ...
Там то ли Ева,
а может, вовсе иная дева?
Глянь, друг, направо,
там срам да слава,
шнурки в стакане,
высот зиянье,
вершин канава –
куда же, право,
придут, ликуя, два обалдуя,
шутя, рифмуя и в ус не дую?

Смотри, вон эти – ну, как их? – дети.
И вроде наши ...
Очнись, папаша. Вот так приплыли!
Помилуй, ты ли мне врал, что век нам быть молодыми?
И вот, смотри-ка,
нас, старых, мимо
идут, ликуя, два обалдуя,
шутя, рифмуя и в ус не дую ...

Прошло Крещение. Холодов крещендо
звучит все злее, бьет в колокола.
Чем отогреть в хрустальный день до
дна души промерзшие тела?

Сивухой, сексом, пляской, сабантуем?
Хотя и так, похоже, не усну:
то Пугачев разбудит поцелуем,
то Ленин за борт бросит, как княжну.

В термометре навеки ртуть застыла:
нет ниже сорока цензурных чисел.
Хотя и немцам в сорок первом было
уж не теплее. Греющая мысль.

А тот же Мураками русских хвалит:
мол, на морозе думать нам ловчей.
Дед Паша чайник на огонь все ставит,
все ждет, наивный, дураков-гостей.

Но только нищий у подъездов кружит,
надвинув шапку на разбитый лоб.
Покрылась льдом одна восьмая суши.
Спи крепче, наша правильная дробь.

ПЛАЦКАРТ

Мы стояли под Вековкой – насмерть, навзрыд.
Поезд замер в снегах бестолково,
к липким шпалам, перрону крест-накрест прибит
хриплым криком бессонных торговков.

Между полок и ног, матерясь на ходу,
вор прокрался впотьмах к туалету.
Рядом правой рукою обняв пустоту,
спал старик, аккуратно одетый.

В коридоре сопел олимпиец хмельной,
занимаясь с титаном любовью.
Продавцы расхотелись: хрусталь дармовой
падал с неба и портил торговлю.

Мы стояли под вечностью. Голос во тьме
предложил оптом счастье и вазу.
Объявили задержку рассвета. Ты мне
в этот день не звонила ни разу.

ЛЕТАРГИЯ

Столб тенью зацепил окурок –
сюжет для теленовостей.
На солнцепеке котофей
спит, воплощенье Эпикура,
и кажется ему, что он
среди дорических колонн.

У бабки прорвало пакет
с кефиром и вишневым соком.
Старухи плавится хребет.
Искрится россыпь битых стекол,
и сквозь нее течет в овраг
молочно-сочный Потомак.

Направо – морг, навыверт – гром.
В заборе – щель. На небе – птица.
Врастает в зелень целиком
пятнадцатая горбольница,
и в ней на первом этаже –
фантом в бинтах и неглиже.

Перспектива работы Дали
безупречна: отчетливо видится,
как на длинной веревке вдали
в сносном домике с видом на жительство
сохнет синяя майка мужская
да прищепка горит золотая.